

Ипполитов В. А. Влияние голода 1924—1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии / В. А. Ипполитов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 336—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362.

Ippolitov, V. A. (2023). Impact of Famine of 1924—1925 on Social and Political Mood of Peasantry in Tambov Province. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 336-362. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362

**Влияние голода
1924—1925 годов
на общественно-
политические настроения
крестьянства
в Тамбовской губернии**

Ипполитов Владимир Александрович
orcid.org/0000-0001-9327-3865
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
vladimir.ippolitov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00132, [https://rscf.ru/
project/22-18-00132/](https://rscf.ru/project/22-18-00132/)

**Impact of Famine
of 1924—1925
on Social and Political Mood
of Peasantry
in Tambov Province**

Vladimir A. Ippolitov
orcid.org/0000-0001-9327-3865
PhD in History,
Senior Researcher
vladimir.ippolitov@mail.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported
by the Russian Science Foundation,
grant № 22-18-00132, [https://rscf.ru/
project/22-18-00132/](https://rscf.ru/project/22-18-00132/)

© Ипполитов В. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы причины и последствия голода в Тамбовской губернии в 1924—1925 годах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения российского крестьянства «поколения революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX—XX веков). Основное внимание уделяется влиянию голода на общественно-политические настроения крестьянства. В целях определения факторов, влиявших на самосознание жителей деревни, изучались документы фондов Российского архива социально-политической истории и Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области. В статье используется широкий пласт документов центральных и местных партийных организаций и органов государственной безопасности. Рассмотрены социальные практики, к которым прибегал сельский социум для выживания в экстремальных условиях неурожая. Проанализированы отношения между основными социальными группами деревни. Особое внимание уделяется механизмам оказания помощи голодающим со стороны государства. В результате проведенного исследования доказано увеличение оппозиционных настроений в среде крестьянства. Характерным признано увеличение религиозности и уравнилельных тенденций в деревне. Установлено, что значительная помощь государства способствовала распространению лояльности крестьянства по отношению к власти.

Ключевые слова:

крестьянство; поколения; общественно-политические настроения; голод; коммунистическая партия; неурожай; общественные работы; продовольственная помощь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The causes and consequences of the famine in the Tambov province in 1924—1925 are examined in the article. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive study of the Russian peasantry of the “revolutionary breakthrough generation” (born at the turn of the 19th and 20th centuries). The main attention is paid to the impact of famine on the social and political moods of the peasantry. In order to determine the factors that influenced the self-awareness of the villagers, the documents of the funds of the Russian Archive of Social and Political History and the State Archive of Social and Political History of the Tambov Region were studied. A wide range of documents of central and local party organizations and state security bodies are used in the article. The social practices resorted to by rural society for survival in extreme crop failure conditions are considered. Relations between the main social groups of the village are analyzed. Special attention is paid to the mechanisms of state aid to the starving. As a result of the conducted research, an increase in oppositional attitudes among the peasantry has been proven. An increase in religiosity and egalitarian tendencies in rural areas is considered characteristic. It was established that significant state aid contributed to the spread of peasant loyalty to the government.

Key words:

peasantry; generations; social and political moods; famine; communist party; crop failure; public works; food aid.

Влияние голода 1924—1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии

© Ипполитов В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Актуальность темы исследования заключается в рассмотрении влияния фактора голода на общественно-политические настроения крестьянства. Поднимается вопрос о перспективах натурально-потребительского крестьянского хозяйства в условиях социалистической модернизации. Этот вопрос не теряет своей актуальности, так как в научной литературе встречаются полярные точки зрения на вопрос об эффективности нэпа.

Новизна работы заключается в изучении различных факторов, влиявших на менталитет сельских жителей в середине 1920-х годов. Представляется важным проанализировать механизмы осуществления государственной помощи голодающим, оценить их эффективность.

К середине 1920-х годов Тамбовская губерния была типичным сельскохозяйственным регионом, страдавшим от перенаселения, со слабо развитой промышленностью. Численность населения к 1925 году в Тамбовской губернии выросла до 2 674 250 человек, что делало невозможным обеспечение крестьян нужным количеством земли [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 175]. Сельское хозяйство губернии на протяжении первых лет советской власти переживало глубокий кризис. Причинами создавшегося положения были военные действия во время Гражданской войны, особенно Антоновское восстание и неурожай 1920—1921 годов. Эти события сопровождалась хлебозаготовками, превышавшими возможности региона. К 1922 году посевные площади сократились по сравнению с 1916 годом на 23 %, рабочий скот уменьшился на 40 %, количество овец — на 63 %, свиней — на 76 %. Количество безлошадных хозяйств достигло 54 %, а бескоровных 37 % [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 28]. С введением нэпа началось медленное восстановление сельского хозяйства региона. Например, в 1924 году численность лошадей насчитывала лишь 72 % от довоенного количества. Даже в относительно спокойные годы только урожай 1922 года оказался средним по количеству собранного хлеба.

Несмотря на экономический кризис и традиционную аполитичность, население деревни проявляло значительную общественно-политическую

активность. В октябре 1924 года в Тамбовской губернии прошли 210 беспартийных крестьянских конференций, в которых приняли участие 22 320 человек [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 27]. По социальному составу в них преобладали бедняки — 60 %, середняков насчитывалось 37 %, а зажиточных — 3 %. Партийное руководство констатировало рост политической сознательности крестьянства, которое, одобряя политику советской власти, решительно критиковало тяжелый налоговый гнет. В связи с неурожаем и «ножницами цен» делегаты собраний выражали «ревность» к рабочему классу. В то же время ярко проявлялось усиление внимания населения к вопросам просвещения [Там же, л. 27]. Можно сделать вывод о быстром росте крестьянского самосознания под влиянием активного участия в революции и гражданской войне, пропаганды и образования, а также некоторого улучшения качества жизни в начале нэпа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой исследования послужил междисциплинарный подход «поколенческой истории» [Левада, 2005; Безгин, 2022; Вязинкин и др., 2022; Сафонов, 2022]. В центре внимания находилась судьба поколения «революционного перелома», под которым современные авторы понимают людей, родившихся на рубеже XIX—XX веков и принимавших деятельное участие в событиях 1905—1930 годов [Вязинкин, 2022; Слезин, 2022; Слезин и др., 2022; Безгин и др., 2022]. Многие из них в детстве пережили голод и неурожай 1891—1892 годов. В XX веке крестьяне поколения «революционного перелома» подверглись сильнейшим испытаниям в виде череды катастрофического голода 1921—1922 и 1932—1933 годов. Эти трагические события достаточно подробно исследованы российскими и зарубежными учеными. Но менее масштабные голодовки середины 1920-х годов до сих пор остаются малоизученными.

Проблемы недорода и его последствий на Тамбовщине освещаются в работах С. А. Есикова [Есиков, 2010], И. Е. Кокорева [Кокорев, 2008], В. В. Никулина [Никулин, 2000]. Тему голода середины 1920-х годов на общесоюзном уровне затрагивали М. Венер [Венер, 1995], В. Ф. Зима [Зима, 2019], В. В. Кондрашин [Кондрашин, 2018]. Однако подробно вопрос голода в 1924—1925 годах в Тамбовской губернии и других зерновых регионах не изучался.

Данная работа строится на общенаучных принципах историзма и объективности. При создании структуры применялся проблемно-хронологический метод. В центре внимания находится человек во всей своей сложности и противоречивости (антропологический подход).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Причины и первые проявления голода 1924—1925 годов

Еще не восстановившееся сельское хозяйство региона подверглось сильнейшему удару из-за неурожая 1924—1925 годов. Природные факторы, а именно: осенняя засуха, бесснежная зима, весенние заморозки — резко ухудшили виды на урожай. Из-за неблагоприятных погодных условий произошла гибель более половины ярового клина (469 тысяч десятин) и 40 % озимых (385 тысяч десятин). Осуществить пересев зерновых своими силами могло только 2—3 %, то есть 159 земледельцев. Дополнительным фактором, приведшим к недороду, являлась слабая техническая оснащенность деревни. Вследствие недостатка рабочего скота и сельскохозяйственных машин земля обрабатывалась неудовлетворительно. Негативную роль также играла чересполосица и значительная отдаленность полей. Всего в 1924—1925 годах было собрано около 30 миллионов пудов зерна, тогда как для питания населения и скота требовался 51 миллион пудов [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 28]. Таким образом, из-за природных и социально-экономических условий голод в губернии был неизбежен.

Усугубляла ситуацию налоговая политика советской власти. В 1924—1925 годах сельскохозяйственный налог для Тамбовской губернии был определен в размере 9 миллионов рублей по 4-му разряду обложения. Из-за неурожая он был снижен до 6 миллионов рублей [Там же, д. 2954, л. 65]. Но и эта сумма была совершенно неподъемна для сельского социума. Необходимость уплаты налога привела к массовой продаже скота, что еще более ухудшило положение. Продав осенью зерно и скот по низким ценам, крестьяне вынуждены были покупать для питания хлеб по завышенным ценам.

Фискальная политика государства в губернии была достаточно жесткой, возможно, из-за мести за Антоновское восстание. Невыполнение планов хлебозаготовок ставилось в вину исключительно сельскому социуму. Признавая объективные природные факторы, ответственный секретарь губернского комитета РКП(б) И. Г. Бирн обвинял зажиточное крестьянство в стремлении воспользоваться «упадочными настроениями» и уйти от налога [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 25].

2 июля 1925 года на заседании Тамбовского губкома инструктор ЦК РКП(б) Мутнов подчеркивал, что высокий продовольственный налог являлся одной из причин голода. По его мнению, это контрастировало с объявленным партией курсом «лицом к деревне»: «Меры, которые, применялись к крестьянству, были чрезвычайно похожи на продрозверстку» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2654, л. 59]. Крестьян, которые не могли выплатить налог, запирали под замок, практиковались обыски по амбарам вплоть до сундуков. В Борисоглебском уезде больницы бесплатно прини-

мали только бедных со справкой из Крестьянского комитета общественной взаимопомощи (далее — ККОВа). В связи с голодом многие больницы перестали кормить пациентов, и там продолжали лечиться только те, кому родственники приносили еду. Всего в условиях неурожая и голода крестьяне заплатили государству около 5 миллионов рублей, или 83,7 % от плана. Причинами «перегибов» в налоговой политике были механическое определение урожайности и отсутствие учета экономической конъюнктуры.

Уже с конца февраля 1925 года из Тамбовского, Кирсановского и Липецкого уездов стали поступать сообщения о массовом употреблении в пищу суррогатов [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 128]. Весной положение стало еще более угрожающим. С середины марта наблюдалось повсеместное разорение бедняцких и середняцких хозяйств. В апреле стали фиксироваться единичные случаи голодной смерти. Началась массовая реализация озимых посевов за хлеб, а скот продавался только для пропитания. В начале апреля стала выдаваться семенная ссуда, но, как выяснилось, зерно пошло на питание крестьян. Так, в Сампурской волости 100 % ссуды было съедено и население вновь стало голодать [Там же, л. 128].

Весной 1925 года цены на хлеб достигали 5 рублей за пуд ржи, истощенная бескормицей корова стоила 15 рублей [Там же, д. 2961, л. 2]. Характерно, что в городе цены на продукты были ниже, чем в деревне. В мае в Борисоглебском уезде в городе хлеб стоил 2 рубля 60 копеек, а в деревне — 4 рубля 50 копеек за пуд [Там же, д. 2735, л. 39]. Падеж скота от бескормицы вырос в 2—3 раза по сравнению с 1924 годом. Земледельцы резали своих истощенных коров и требовали за них страховку, якобы они «окобели». Средняя продолжительность нехватки хлеба у крестьян определялась в шесть месяцев. Дальнейшее промедление с оказанием продовольственной помощи грозило повторением голода времен Гражданской войны.

3.2. Масштаб голода и рост заболеваемости на фоне недоедания

По данным ККОВов, в начале марта 1925 года голодало 300 тысяч человек, а в апреле — 600 тысяч. При этом экспертные комиссии считали данные цифры «очень скромными» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 29]. На 22 мая, по материалам ОГПУ, подготовленным для И. В. Сталина, в Тамбовской губернии голодало 800—900 тысяч человек, или 25—30 % населения [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 131]. По другим данным, которые приводил Тамбовский губернский комитет, в марте голодало 32 000 человек, в мае — до 606 026, в июне — 725 000 [Там же, л. 192]. По оценке местных партийных лидеров, произведенной на основе информации из уездов, количество голодающих в июне превысило 1 миллион человек [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2649, л. 2]. Подобные противоречивые

оценки, вероятно, связаны со стремлением партийных организаций скрыть подлинные масштабы бедствия.

Ситуация в шести наиболее пострадавших уездах представлена далее (табл. 1). Анализ данных показывает, что количество голодавших в них сильно различалось. Вероятно, причины этого носили природно-климатический характер. Следует также подчеркнуть, что цифры в партийных отчетах имели приблизительный характер и не всегда отражали реальное положение на местах.

Таблица 1

Численность голодающих в Тамбовской губернии на 22 мая 1925 года

Название уезда	Численность населения, нуждавшегося в продовольственной помощи	Процент голодающих от общего количества населения
Тамбовский	195000	36
Липецкий	109000	31
Борисоглебский	107000	48,6
Кирсановский	95000	31
Козловский	69000	15,5
Моршанский	31000	9
Всего	606000	26,6

Источник: [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 131].

Примечателен факт выступления представителя Борисоглебского уезда на IV пленуме губкома партии. Аристархов предлагал: «Нам необходимо поднять вопрос о том, чтобы был снят запрет с самого слова “голод”. Я думаю, что этот запрет был положен для того, чтобы за граница не использовала наше положение в своих интересах, но за границей великолепно знают, что делается у нас, между тем как этот запрет связывает нас в деле помощи» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2647, л. 58]. Данное выступление свидетельствовало о наличии возможности дискуссии в партии по важнейшим политическим вопросам. Спасение жизней крестьян для многих партийцев было важнее, чем соображения политической конъюнктуры. Показательно, что во время следующего, гораздо более страшного голода 1932—1933 годов подобные заявления не могли высказываться ни в партии, ни в обществе.

По данным таблиц, в мае 1925 года наиболее тяжелой была ситуация в Тамбовском, Борисоглебском и Липецком уездах (табл. 2, табл. 3). Из 2021 обследованного хозяйства 1159 (57,3 %) были признаны находящимися в тяжелом и бедственном положении и 713 (35 %) — в недостаточ-

Таблица 2

Продовольственное положение Тамбовской губернии на май 1925 года

Название уезда	Число хозяйств	Численность населения	Количество хозяйств нуждающихся в продовольствии	Количество хозяйств уехавших на почве голода
Борисоглебский	60049	305123	41629 (69 %)	462
Козловский	85763	450433	69707 (15,5 %)	144
Кирсановский	60605	310985	32044 (53 %)	134
Липецкий	68927	355006	43603 (63,3 %)	840
Моршанский	65770	339797	41163 (62,6 %)	435
Тамбовский	99551	527791	72180 (72 %)	300
Всего	440655	2289135	300323 (68 %)	2315

Источник: [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2956, л. 27—32].

ном. Практически во всех уездах более половины населения нуждалось в продовольственной помощи. По материалам статистики, зафиксирован невысокий уровень заболеваемости и смертности по сравнению с количеством голодающих. Но следует учитывать, что далеко не все больные крестьяне обращались за медицинской помощью или обследовались различными комиссиями. В другие губернии переселилось более 2315 хозяйств, что, безусловно, не отражает реальных перемещений населения.

Таблица 3

Уровень заболеваемости и смертности на почве голода в Тамбовской губернии на май 1925 года

Название уезда	Количество голодающих	Количество заболевших на фоне голода	Количество умерших от голода
Борисоглебский	107981 (48 %)	1484	39
Козловский	69707 (15,5 %)	321	18
Кирсановский	95377 (31 %)	177	4
Липецкий	109884 (31 %)	594	105
Моршанский	30717 (9 %)	340	7
Тамбовский	195091 (36 %)	835	63
Всего	608757 (26,6 %)	3751	236

Источник: [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2956, л. 27—32].

По информации Губернского статистического бюро, на 20—25 мая 1925 года насчитывалось 304 случая голодной смерти [ГАСПИТО, ф. П-840,

оп. 1, д. 2945, л. 67]. Партийные функционеры признавали, что официальные цифры смертности гораздо меньше, чем есть в действительности. По данным органов госбезопасности, в мае в ряде сел Рассказовской волости каждый день умирало по 5—6 человек, в особенности дети [Совершенно секретно ..., 2002, с. 350]. Статистика не учитывала смертность от заболеваний, которые обострялись на фоне недоедания.

Сводки органов госбезопасности фиксировали самоубийства граждан на фоне голода. В Ярославской волости пытался покончить с собой председатель сельского совета А. С. Ремнев. У чиновника случился нервный приступ, так как закончился хлеб, а получить не было возможности, потому что всюду его сопровождали толпы голодных крестьян [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 72]. Ремнев принадлежал к категории маломощных земледельцев, не имел ни коровы, ни лошади. В Александровской волости крестьянин Попов отправился на заработки в соседнюю волость, но, обессилив от недоедания, утопился в реке [Там же, д. 2945, л. 68]. В селе Ново-Спасское гражданин Панкратов повесился после того, как его 13-летний сын умер от голода [Советская деревня ..., 2000, с. 318].

Голод привел к обострению ситуации с заболеваемостью в деревне. В сводке по материалам участковых врачей на 4 июня 1925 года отмечалось, что количество больных насчитывало около 10 % от голодающих [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 41]. По приблизительным подсчетам, количество больных на фоне голода достигло 80 тысяч человек. Из них около 800 нуждались в кожном лечении. К примеру, в Мациевском медицинском районе Козловского уезда из 1194 человек 800 требовали немедленной помощи, 200 опухло от голода и 50 потеряли способность двигаться [Там же, д. 2956, л. 24]. В этой критической ситуации 50 % больниц в сельской местности не работало. А в 29 работавших больницах насчитывалось лишь 679 коек, что составляло лишь малую часть необходимых мест. Ввиду крайней слабости местного бюджета в больницах не хватало медикаментов и перевязочного материала. По итогам обследования системы здравоохранения Тамбовский губернский исполнительный комитет запросил помощь в размере 142 700 рублей [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 41]. В целом система здравоохранения в сельской местности не справлялась со своими задачами из-за хронического недостатка финансирования.

В связи с переживаемой голодовкой в деревне отмечалось увеличение заболеваний цингой, опухания и желудочных болезней. В апреле 1925 года врач Саютинской волости отмечал, что у 40 % взрослых на почве хронического недоедания наблюдаются желудочно-кишечные заболевания с судорогами. У голодающих крестьян цвет лица становился желто-восковой [Советская деревня ..., 2000, с. 317]. В июне 1925 года только в одной де-

ревне Паревка Инжавинской волости насчитывалось около 500 человек, опухших от недоедания, в основном детей [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 41]. У детей от питания исключительно картофелем развивается скрофулез (золотуха) и кишечные расстройства [Там же, д. 2956, л. 33]. На 16 апреля 1925 года, по данным участкового врача, в селе Подоскляй (Тамбовский уезд) из 193 дворов голодало 50. Почти у всех обследованных крестьян не было никаких источников дохода, кроме плетения лаптей и сбора милостыни [Там же, л. 33]. В подавляющем большинстве селений губернии наблюдалась схожая ситуация.

В конце мая 1925 года комиссия по борьбе с последствиями неурожая обследовала 89,1 % населения Тамбовского уезда и 40,3 % были признаны нуждающимися в продовольственной помощи. По своему экономическому положению они делились на «без скотных» — 13,1 %, с одной головой скота — 15,2 %, с двумя головами скота — 11,6 %, с более чем двумя — 0,4 % [Там же, д. 2735, л. 141]. Следовательно, большинство голодавших или не имели скота, или имели его в минимальном количестве. Данные комиссии свидетельствовали о резком росте уровня заболеваемости. Так, из обследованных 16 511 человек обнаружено 2174 с отеками, 326 с куриной слепотой, 2 умопомешательства, 1433 с желудочно-кишечными заболеваниями, 12 575 с сильным истощением и слабостью, 2 с цингой [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 141]. Таким образом, подавляющее большинство обследованных земледельцев имели различные болезни на фоне голода. Подобные данные несколько сгущают краски, так как осматривались в основном хозяйства, не имевшие продовольственных запасов — бедняков и батраков.

В условиях неурожая зерновых культур основным продуктом питания крестьян стал картофель. В Саютинской волости в апреле — мае 1925 года не менее 50 % крестьян питались одним картофелем по норме 3 штуки в день [Там же, д. 2956, л. 33]. В бедных семьях употребление в пищу чистого хлеба считалось невероятной роскошью. Обычным делом было питание горячей водой с несколькими картофелинами или с добавлением ложки крупы или муки [Там же, д. 2945, л. 33]. Подобную еду крестьяне называли «собачьей поспой».

Многие семьи не имели не только хлеба, но и овощей. В пищу шли различные суррогаты: лебеда, конопляный и подсолнечный жмых, просяная лузга. В мае 1925 года обследование нескольких семей села Ярославки (Козловский уезд) выявило, что в пищу крестьяне употребляли траву с примесью зернового льна. От такого питания развивались отеки, злокачественные опухоли, сонливость и полное равнодушие [Там же, д. 2735, л. 71]. Весной и летом в пищу в массовом порядке стали употребляться лягушки и слизь из ракушек, дикие птицы. Голодающие ели зеленый по-

левой чеснок в сыром или жареном виде. Также в пищу шли стебли от кленовых и дубовых листьев [Там же, л. 73]. В Глазковской волости были случаи выкапывания павших овец, мясо которых употреблялось в пищу. Всего в Тамбовском уезде было зафиксировано 199 подобных случаев [Там же, л. 141]. В мае в селе Горетки Борисоглебского уезда произошла драка из-за дохлой коровы, труп которой голодающие растаскивали на куски [Совершенно секретно ..., 2002, с. 303].

По данным обследования села Верхне-Спасское (Тамбовский уезд) 27 апреля 1925 года [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2956, л. 26—34] нами была составлена база данных в программе Microsoft Excel. Выделены следующие категории: фамилия, количество членов семьи, занятие, состояние здоровья, структура питания, наличие скота. В базу внесены данные о 37 семьях, пострадавших от голода. На основе данных составлен коллективный портрет исследуемых хозяйств. В среднем семья состояла из 5 человек, источником существования была милостыня, основным продуктом питания являлся картофель. Дети, а часто и взрослые были сильно истощены, рабочего скота не имелось. Около 20 % семей употребляли в пищу кулеш, но запасы крупы истощались. 23 % хозяйств имели лошадей, которые от бескормицы не годились для работы. В среднем нехватка продовольствия продолжалась уже два месяца. Таким образом, беднейшее крестьянство и батрачество являлись самыми пострадавшими от голода социальными слоями деревни.

3.3. Деятельность центральных и местных властей по борьбе с голодом

В начале марта 1925 года в губернии была создана комиссия по борьбе с голодом. Но до апреля вся её работа сводилась к сбору сведений о количестве голодающих [Там же, д. 2647, л. 48]. Масштабы бедствия не были своевременно доведены до центра. Как отмечалось на IV пленуме губкома РКП(б): «Положение на местах гораздо хуже, чем думают здесь. Во многих волостях среди крестьянства начинается форменная паника» [Там же, л. 57].

10 июля 1924 года постановлением ЦИК и СНК СССР была создана комиссия «по борьбе с неурожаями» под председательством А. И. Рыкова. Одним из членов комиссии был С. Н. Крылов — член партии с 1909 года [Котович, 2020, с. 93]. Именно на имя Крылова было составлено письмо в ЦК РКП(б) о голоде в Тамбовской губернии [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 128]. По ситуации на май 1925 года констатировалось, что положение в регионе напоминает ситуацию в Поволжье в 1921 году. В Кирсановском уезде среди крестьян ходили слухи, что положение даже хуже, чем в конце Гражданской войны [Там же, л. 132].

Для преодоления создавшегося положения, по мнению Тамбовского губернского исполкома, было необходимо выделить семенную ссуду в 460 тысяч тонн проса для посева озимых, продовольственную помощь в размере 750 тысяч пудов хлеба, 350 тысяч рублей на организацию общественных работ [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 30].

Партийное руководство пыталось наладить ввоз хлеба из регионов, не затронутых неурожаем. В январе 1925 года для улучшения снабжения населения губернии Тамбовскому отделению госбанка было дано разрешение на заготовку в Сибири 420 тысяч пудов пшеницы [Там же, д. 2957, л. 102].

В Москве первоначально недостаточно серьёзно отнеслись к голоду. В июле 1925 года тамбовское партийное руководство в письме к В. М. Молотову отмечало: «Нас признали, хотя и после чрезвычайно больших мытарств и споров, голодающими и нашу губернию нуждающейся в срочной и крупной государственной помощи» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 740, л. 86]. Более того, была создана комиссия для расследования, почему это решение было принято с запозданием. Однако, по словам И. Г. Бирна, постановления об оказании поддержки в размере 350 тысяч пудов оставалось в «словах и постановлениях», в то время как «население мрет, а мы не можем добиться даже проведения минимальной помощи» [Там же, л. 86].

Актуальным являлся вопрос единого сельскохозяйственного налога на 1926 год. Народный комиссариат финансов определил его в 3 миллиона 800 тысяч рублей. И. Г. Бирн в письме заявил, что партийное руководство согласно принять задание не более 2 миллионов рублей [Там же, л. 87]. Также из-за хозяйственных затруднений губернии была необходима дотация в сумме 1 миллион 1 тысяча рублей, а народный комиссариат финансов соглашался поставить лишь 580 тысяч. Указанные факты свидетельствуют об относительной самостоятельности губернских партийных организаций в хозяйственных вопросах. В середине 1920-х годов допускалось высказывание своего мнения в спорах с центральным правительством. В период сталинской диктатуры подобное поведение становится невозможным.

Комиссия А. И. Рыкова установила, что население губернии будет нуждаться в продовольственной помощи до конца августа — начала сентября, то есть до сбора яровых хлебов. По итогам обследования комиссия направила в губернию 660 тысяч пудов (по 2 пуда на голодающего), что было явно недостаточно [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2945, л. 7]. Также комиссия выделила 275 тысяч рублей из своих запасов.

Пусть и с запозданием, но помощь голодающей губернии была оказана. Хозяйственное положение существенно улучшилось после получения семенной яровой ссуды в 1 миллион пудов и озимой в 149,9 тысяч пудов. Но данная помощь была слишком мала, поэтому Губернский исполнитель-

ный комитет просил увеличить ее до 2,5 миллионов пудов [Там же, л. 2]. Кроме того, местный же бюджет был составлен с огромным дефицитом в 1 078 940 рублей, что угрожало сокращением и так бедствовавшей сети школьных учреждений [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 25]. Губернская партийная организация считала данную меру крайне нежелательной из-за возможного недовольства населения.

Государственная продовольственная помощь распределялась зачастую поголовно, не учитывая реальное положение семей. Но расхищения хлеба не наблюдалось. Единственный случай произошел в Тамбовском уезде, когда один из секретарей ВИКов, получив около тысячи пудов хлеба, продал его на рынке [Там же, д. 2647, л. 50].

Бюрократическая машина государства работала довольно медленно, для ускорения работы по выгрузке зерна даже привлекалось ОГПУ. К концу мая 1925 года продовольственная помощь деревни оставалась недостаточной. На IV пленуме губкома партии отмечалось: «Наша продовольственная помощь, брошенная на места, является каплей в море и очень незначительно облегчила положение и куда мы не приезжали, мы всюду у ВИКов и сельсоветов наблюдали группы крестьян, человек по 40, ведущих разговор о том, когда будет получаться ссуда» [Там же, л. 52]. В одной из волостей Моршанского уезда жителям приходилось идти 17 верст, чтобы получить зерновую ссуду. Если крестьян допускали до распределения семенной ссуды, они предпочитали выдавать её середнякам семьям. По их логике, крепкие хозяйства в отличие от бедняков смогут вернуть долг.

Дети и старики традиционно страдали от голода больше других возрастных категорий. По данным комиссии А. И. Рыкова, до трети голодавших крестьян были детьми [Там же, д. 2671, л. 11]. Тяжелая ситуация наблюдалась в переполненных детских домах. Партийное руководство губернии пыталось по возможности оказать помощь голодающим. Средства для финансирования детских столовых выделяли губернская администрация, общественные и шефские организации, торговые учреждения, Красная армия. По состоянию на 9 мая 1925 года в губернии действовало 12 детских столовых, охватывавших 1200 детей. Этого количества явно не хватало, для питания 100 тысяч детей было нужно дополнительно 500 тысяч рублей, которых не было в бюджете [Там же, л. 11]. Тем не менее к 29 мая количество столовых выросло до 43 с охватом приблизительно 5000 детей.

Получить питание в столовых могли дети с 2 до 14 лет, проживавшие в семьях, признанных голодающими. Один паек в столовой включал в себя полфунта черного хлеба, четверть фунта пшеничной крупы, четверть фунта картофеля, 4 золотника жиров, 4 золотника соли. Всего паек насчитывал 900 калорий [Там же, л. 8]. Получить питание можно было один раз в день.

Кроме детских столовых, создавались «питательные пункты» для взрослых. Но количество этих пунктов было явно недостаточным, так, в Борисоглебском уезде было создано 9 столовых на 264 села [Там же, д. 2647, л. 58]. Сказывалась нехватка оборудования, помещений, топлива и т. д.

23 июля 1925 года на V пленуме губкома партии констатировалось, что «огромная помощь правительства позволила целиком и полностью решить продовольственный вопрос в деревне» [Там же, д. 2641, л. 10]. Правительство выделило губернии свыше 2 миллионов рублей, на которые было приобретено около 1082 тысячи пудов хлеба. От 50 до 70 % хлеба было отпущено для организации масштабных общественных работ.

Организация общественных работ для голодающих крестьян была вынужденной мерой в условиях голода. В большинстве уездов эти работы начались в первых числах июля 1925 года. В Тамбовской партийной организации высказывались мнения, что было бы эффективнее просто раздать хлеб нуждающимся, но победила точка зрения, что это «развратит» крестьянство [Там же, д. 2649, л. 20].

В основном общественные работы включали в себя ремонт дорог, мелиорацию, включавшую в себя устройство прудов и колодцев. В отдельных уездах был выполнен ремонт зданий волисполкомов, изб-читален, велось строительство амбаров. Часто работы были организованы формально и не имели экономического смысла. Например, в Липецком уезде сделали пруд рядом с рекой или просто копали землю. В Моршанском уезде выкопали канаву неизвестно для какой цели [Там же, д. 2641, л. 8]. Крестьяне при этом обычно соглашались на любую работу, только бы получить хлеб.

Всего к 16 июля на общественные работы была затрачена 271 тысяча человеко-дней, что свидетельствовало о широком размахе деятельности. Оплата труда, по мнению крестьян, была недостаточной. Ходили разговоры, что «за белую муку они стали бы работать, а 10 фунтов мало и надо платить больше» [Там же, д. 2649, л. 10]. Нормы оплаты труда различались в зависимости от запасов хлеба и количества желающих крестьян. За день работы крестьянин получал от 5 до 15 фунтов хлеба, женщинам платили вдвое меньше.

Партийное руководство губернии понимало, что значительная часть общественных работ не приносит положительного эффекта. Но главным был факт, что эти работы помогли накормить значительное количество крестьян. К концу июля 1925 года в губернии было построено 316 мостов, 320 гатей, 315 дорог, 297 колодцев, 209 прудов, 390 плотин и т. д. [Там же, л. 12]. Таким образом, была проведена реконструкция деревенской инфраструктуры. Крестьянство по всем доступным источникам выражало благодарность государству за существенную продовольственную поддержку.

Кроме Тамбовской губернии, от недорода в наибольшей степени пострадали Воронежская и Орловская губернии, некоторые регионы Украины. Нехватка продовольствия и употребление в пищу суррогатов наблюдалось по всем зерновым губерниям. Всего от неурожая пострадало 7,8 миллионов крестьян [Зима, 2019, с. 59]. По оценке В. П. Данилова и А. Я. Береловича, в 1923—1924 годах от голода погибли тысячи человек [Советская деревня ..., 1998, с. 14]. Партийные документы этого периода не акцентировали внимание на количестве умерших от голода. Официальные данные о 304 случаях голодной смерти на май 1925 года не отражали реального количества жертв. Косвенные данные позволяют утверждать, что только в Тамбовской губернии во время голода погибло не менее 3 тысяч крестьян. Однако данная проблема нуждается в дополнительном исследовании с привлечением документов ЗАГСов.

По информации на 30 сентября 1925 года, в губернии действовало 100 детских столовых, через которые получили питание около 80 тысяч человек. Всего государственная помощь губернии насчитывала 1188 тысяч пудов хлеба, из них на общественные работы было отпущено 671 467 пудов [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2651, л. 3]. Кроме того, крестьяне получили значительную семенную ссуду для посева. Для бюджета губернии было выделено дополнительно 700 тысяч рублей. Значение этой помощи трудно переоценить. Как справедливо отмечал В. Ф. Зима, «впервые крупномасштабный голод удалось предотвратить» [Зима, 2019, с. 62].

3.4. Крестьянские выступления на почве голода

К июню 1925 года настроение крестьянства Козловского уезда оценивалось как «частично озлобленное» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 76]. Население дошло до состояния, близкого к голодному бунту. Селькор с псевдонимом «Подслушивающий» сообщал: «Среди земледельцев села Коптево ходят слухи о том, что скоро слетит Советская власть» [Там же, л. 153]. Голод становится важнейшим фактором, определявшим социально-политические настроения крестьян.

В среде сельского социума поползли самые фантастические слухи: о войне с Болгарией и Германией, о гибели Советской власти и коммунистов и даже о том, что народ скоро будет избирать на престол царя Михаила Федоровича (село Каширки Курдюковской волости) [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 132]. Показательно обращение крестьян к периоду Смутного времени, когда избрание нового царя позволило выйти из кризиса. По этой логике падение коммунистической власти должно было решить проблемы, связанные с голодом.

Крестьяне передавали друг другу сведения, что советская власть существует только в России, а на Кавказе, Украине, в Сибири и в автономных

республиках её нет [Там же, л. 132]. В 1925 году сельчане связывали свои надежды на падение власти большевиков с терактом в Софийском соборе и выбором Гинденбурга президентом Германии. «Молчание» о голоде в прессе делало слухи основным источником информации в деревне.

На почве недоедания начинаются крестьянские выступления. Особую активность в них проявляли женщины, которые толпами осаждали сельские и волостные советы. В Есиповской волости (Борисоглебский уезд) около 40 женщин пришли в ВИК и легли на пол, требуя хлеба. В Токаревской волости во время выдачи пособия крестьяне ворвались в амбар и съели сырым хранившийся там горох. В этой же волости толпы голодающих, требовавших продовольствия, достигали 1000 человек. Селяне прямо заявляли, что если государство сейчас не даст хлеба и если они до будущего урожая останутся живы, то государству не дадут ни одного фунта сельскохозяйственного налога. Крестьяне жаловались, что «руководители власти едят белый хлеб, а нам даже суррогатного хлеба не дают» [Там же, л. 132]. В селе Ивановка население предъявило ультиматум председателю ВИК: если помощь не будет оказана, то люди пойдут громить элеватор [Там же, л. 129]. Хотя призывов к свержению власти не наблюдалось, выступления крестьян носили оппозиционный характер.

Весной 1925 года появилась письменная агитация против власти. В селе Калиновка (Борисоглебский уезд) было обнаружено воззвание следующего содержания: «Обращается голодающее крестьянство к советской власти, и если не дадите помощи нам, то восстанем против, все будем громить, жечь, грабить и возмущать против» [Там же, л. 132]. По мнению ОГПУ, автором данного послания мог стать председатель сельского совета, что свидетельствует о недоверии к местным властям со стороны органов госбезопасности.

В Тамбовском уезде были обнаружены листовки, обращенные к сельчанам, в которых анонимный автор обещал, что «после свержения большевиков сейчас же начнутся выборы в Учредительное собрание. Земля будет отобрана у совхозов и коммун и передана крестьянам. Леса будут опять возвращены крестьянам» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 158]. Акцент был сделан на угнетении русского народа «жидовской» властью. Листовка в целом отражала настроения значительной части сельского социума. Но из документов непонятно, сколько экземпляров было выпущено и как крестьяне отнеслись к данной агитации.

Недовольство создавшимся положением в губернии проникало в армию. Слушатель артиллерийской академии РККА Ширанков в июне 1925 года после получения письма от отца из Панской слободы Козловского уезда подал рапорт начальнику о положении в деревне. Курсант писал: «Несмотря на то,

что голод начался уже три с половиной месяца назад, о нем жители Ленинграда, а может быть, и других городов совершенно не знают. В Ленинграде только вчера были понижены цены на белый хлеб, а “Тамбовские гуси и окорока”, о которых усердно благовестили в Рождество, окончательно заставляют недоумевать и удивляться» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 147]. Описывая ужасы последствий недорода, автор возмущался, почему были забыты заслуги крестьян на фронтах Гражданской войны и власть не оказывает населению должной поддержки. Такого количества нищих крестьян Ширанков не видел даже в 1921 году. Курсант недоумевал по поводу молчания о голоде в прессе. Значительная часть военных, связанных с деревней, была в курсе тяжелого положения крестьянства, но каких-либо антиправительственных выступлений зафиксировано не было.

Неурожаем и голод обострили отношения внутри крестьянства. По традиции зажиточные были обязаны оказывать помощь беднякам в случае неурожая. В селе Калмыковка (Токаревская волость) сход постановил отобрать хлеб у богатых земледельцев [Там же, л. 129]. Повсеместно крестьяне толпами ходили к кулакам с целью отобрать зерно. В селе Гладышево Тамбовского уезда жители вместе с членами ККОВА забрали у священника 30 пудов хлеба со словами: «Когда у нас будет, тогда отдадим»; кроме того, сельчане конфисковали висевшую на потолке ветчину [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 39]. Аналогичные случаи наблюдались в селе Волконщино Каменской волости, где крестьяне забрали у кулака 100 пудов ржи, в Пановых Кустах у зажиточного мужика «конфисковали» 30 пудов. В селе Казинка Грязненской волости была попытка бедноты организовать поход за «кулацким хлебом» под красным флагом. В селе Гладышево толпа крестьян «вычистила» закрома у местного священника [Совершенно секретно ..., 2002, с. 304]. Подобное поведение укладывается в традиционные обычаи взаимопомощи, которые Дж. Скотт назвал «моральной экономикой» [Скотт, 1992, с. 202—210].

Зажиточным крестьянам подкидывались анонимные письма с требованием поделиться хлебом. Отмечались поджоги домов кулаков, которые не давали милостыню. В Липецком уезде было зафиксировано до 290 пожаров, в которых сгорело до 100 голов скота. Не обошлось и без человеческих жертв: при пожарах погибло 2 старика и 1 женщина [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 132].

Среди голодающего сельского населения наблюдалось две тенденции: взять хлеб у богатых либо требовать его у советской власти. В деревнях Безукладовка, Васильевка и других местах Есиповской волости одни голодающие говорили: «Придется подойти сначала добром за хлебом к богачам, имеющим хлеб», — другие — что «нужно просить

совласть, чтобы она нас отравила газами и без мучения от голода скорей умереть» [Советская деревня ..., 2000, с. 328]. В Кирсановском уезде под давлением голодных толп ВИКи и ККОВы выдавали по 5—8 фунтов ржи на едока [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 132]. Но подобные паллиативные меры не срабатывали, так как на следующий день крестьяне приходили снова.

На почве голодовки и неправильного распределения продуктовой помощи участились нападения на представителей власти. Вот наглядный пример, зафиксированный в документах РКП(б). 24 апреля 1925 года в Тамбовском уезде был избит председатель Александровского сельсовета Барабашкин. Нападение совершили два комсомольца, которые обвинили председателя в ошибке при распределении продуктовой помощи [ГАСПИ-ТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 41]. Подобные факты свидетельствовали о недостаточной лояльности к власти даже представителей молодежного союза. В экстремальных условиях выживание оказывалось важнее поддержки курса партии.

В апреле в селе Дуплято-Маслово Знаменской волости были сожжены двор и изба, в которой находилась канцелярия сельского совета. За несколько дней перед пожаром председателю Шепелеву была подкинута записка, в ней содержался список из 36 фамилий, дворы которых будут вскоре сожжены. Следствие установило, что за террористическим актом стояли кулаки, которые склонили закабаленных бедняков к данному преступлению [Там же, л. 39]. Недовольство крестьян обрушивалось в первую очередь на представителей местной власти. При этом, как правило, законность советской власти под сомнение не ставилась.

В строго секретных сводках ОГПУ по Тамбовской губернии констатировалась тенденция развития нищенства среди крестьян. В Шехманской волости количество просящих милостыню выросло с 1 % до 10 %. Целые семейства продавали своё имущество за бесценок и переселялись в Сибирь. Так, в селе Желтые пески Бутырской волости три семьи, продав кирпичную избу за 40 рублей и землю на 7 едоков за 80 рублей, уехали из губернии [Там же, л. 39]. Переселение носило стихийный характер, поэтому даже местные органы власти могли оценить его только приблизительно.

На почве голода возрастает количество социальных девиаций, к примеру, множество крестьянок Козловского уезда выехали в Москву для занятия проституцией. Туда же направлялись крестьяне просить милостыню, затем отправляя семьям в деревню по 12—20 рублей почтовыми переводами [Там же, л. 76]. Наблюдались многочисленные случаи, когда бедняки сжигали свои избы, чтобы получить деньги, которые сразу же продали [Советская деревня ..., 2000, с. 323].

Следствием недостатка продовольствия становятся многочисленные случаи отказа от ведения хозяйства. Масштабы этого явления сильно различались в зависимости от местности. Например, в феврале 1925 года в Борисоглебском уезде размер «заброса» хозяйств колебался с 20 % (Уварово, Мучкап) до 1 % (Павлодар) [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 16].

На почве голода участились кражи продовольствия из амбаров, погребов и домов, печеный хлеб похищали прямо днем. Голод притуплял чувство опасности и соображения морали. Воровство имущества и, прежде всего, еды в этот период носило повсеместный характер.

Общее настроение беднячко-средняцких масс в разгар голода оценивалось как растерянно-подавленное. По всей губернии крестьяне требовали выдать хлеба, угрожая в случае отказа: «Придем в Госторг и кооперативы, выведем из амбаров заведующих, отберем у них ключи и поделим хлеб между собой» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 39]. Упаднические настроения были вызваны трудностями в удовлетворении базовой потребности человека в пище.

3.5. Реакция крестьянства на деятельность государства в период голода

Распространенной идеей среди сельского социума была вера в то, что в Москве не знают о масштабах бедствия, которые якобы скрывались местными чиновниками. 6 мая 1925 года в селе Терновке Борисоглебского уезда были зафиксированы выступления следующего содержания: «Почему коммунисты наши защитники молчат, не сообщают о нашем голодном положении в центр ..., а не то самовольно пойдем в Госбанк, пускай нас тогда стреляют, легче нам умереть от пули, нежели смертью голодной» [Там же, д. 2633, л. 39]. Возмущенные крестьяне требовали, чтобы местные партийцы выполняли свой же лозунг: «Прислушиваться к голосу народа». В селе Пичаево крестьяне говорили о невыполнении курса партии «Лицом к деревне» [Там же, л. 40]. Следовательно, сельчане считали себя вправе требовать помощи у чиновников и партийцев, а в исключительных случаях и прибегать к насилию. Отсутствие поддержки в критической ситуации означало утрату доверия со стороны деревни.

Голод способствовал оживлению патерналистских настроений в крестьянском социуме. Нередко они проявлялись в виде монархических выступлений. В селе Сукмановке, когда ВИК отказался выдать голодающим крестьянам хлеб, толпа начала скандировать: «Давай царя!» [Там же, л. 39]. В селе Кашира Борисоглебского уезда группа крестьян во главе с мельником вела монархическую агитацию [Совершенно секретно ..., 2002, с. 298]. В Мучкапской волости Л. К. Колокольцев утверждал, что в Ленинграде с аэроплана сбросили брошюру, где великий князь Николай Нико-

лаевич обещает дать свободную торговлю, если его выберут президентом [Советская деревня ..., 2000, с. 337]. В середине 1920-х годов значительная часть крестьянства могла сопоставить уровень жизни в годы нэпа с дореволюционным режимом. Часто, особенно во время кризиса, это сравнение было не в пользу советской власти.

Секретные сводки фиксировали улучшение политического настроения зажиточного крестьянства в результате принятия курса «Лицом к деревне». По мнению партийных функционеров, кулачество восприняло это как сигнал к сдаче коммунистической партией своих позиций. Основным проявлением активности становится агитация за «своих» кандидатов при выборах в сельские советы. Довольно распространенным было требование создать советы без коммунистов [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 17]. Используя якобы «возмущение против отдельных коммунистов», зажиточные стремились взять под контроль органы местной власти.

Ряд фактов свидетельствовал о стремлении зажиточной части деревни получить политические выгоды из создавшегося положения. В Паново-Кустовской волости был случай, когда кулаки раздавали свой хлеб голодающим по несколько фунтов. Сам процесс сопровождался агитацией: «Не надо было разорять богатых — они бы вамгодились» [Там же, л. 141].

В целом зажиточное крестьянство не проявляло особой «общинной солидарности» и стремилось использовать голод для укрепления своих экономических позиций. Зажиточные практиковали скупку хлеба, скота, повышение цен на продукты, заключение кабальных трудовых договоров. К июню 1925 года в одной Коптевской волости Тамбовского уезда было зафиксировано 100 незаконных сделок. Нередко за два пуда муки кулаки брали в аренду десятину земли. Впрочем, точных данных по несправедливым сделкам нет, так как большинство из них никак не регистрировались. За незначительное количество продовольствия кулаки скупали инвентарь и рабочий скот. В сводках отмечалось, что многие из зажиточных имели запасы по 200—300 пудов [Там же, л. 73]. По Глазковской волости зажиточные платили беднякам за поденные работы по полфунту зерна в день. Кулаки требовали распределять государственную помощь на общих собраниях граждан, где было легче получить семенные ссуды. Неудивительно, что подобное экономическое поведение зажиточных крестьян вызывало раздражение односельчан, которое выражалось в призывах «пойдем и разграбим».

В 1920-е годы для крестьянских общественно-политических настроений была характерна «зависть» к рабочему классу. Подобное отношение обострялось в периоды голода. Характерны жалобы сельчан: «Рабочие находятся в лучших условиях получая хорошее жалование, а власть катается

в экипажах и автомобилях и едят белый хлеб между тем как мы голодаем» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 40].

Отличительной особенностью крестьянского самосознания было обращение к религии в периоды критических ситуаций. Голод как «пограничная ситуация» способствовал повышению уровня религиозности сельского населения. Большинство жителей деревни, особенно старших возрастов, считали, что «голод — это зависит от Бога, ибо он нас наказал за грехи» [Советская деревня ..., 2000, с. 328]. Крестьяне ходили по полям с иконами и священниками, прося Бога о дожде [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 39]. Существенно увеличился процент посещаемости церквей, в том числе и молодежью. Усилилось и баптистское движение. Возросло количество случаев «обновления» икон. В селе Песковатке Липецкого уезда священник заявлял на проповеди: «В одном селе член РКП выбросил икону наружу и даже изломал её, но утром, встав, увидел, что икона стоит на месте, вся новая» [Советская деревня ..., 2000, с. 227].

Иногда религиозное движение захватывало и представителей власти. Так, секретарь сельского совета села Корели Моршанского уезда вел публичную агитацию против избы-читальни. Он выступал против антирелигиозных диспутов, заявляя, что «каждый порядочный крестьянин не сменит Бога на власть» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2945, л. 73]. Были и противоположные случаи. В селе Ростоши Борисоглебского уезда местный ВИК решил ночью поджечь колодец, который считался «святым». Сбежавшиеся на тушение крестьяне высказывались резко отрицательно: «Коммунисты не могут ничего предпринять и доказать своё, почему и решаются на такие рискованные поступки» [Там же, л. 73]. Подобные «атаки» на религию, как правило, приводили к обратному результату.

В начале июля 1925 года продовольственное положение в губернии стало постепенно улучшаться. Это было связано с появлением молодого картофеля, зелени. Информационные сводки за июль — август 1925 года отмечают в основном благожелательное отношение крестьян к советской власти [Там же, д. 2633, л. 74]. Во многом этому способствовали благоприятные виды на урожай и обилие осадков. Большинство земледельцев выражали благодарность советской власти за помощь во время голода. В августе 1925 года на беспартийной конференции в Ново-Юрьевской волости типичными были высказывания: «Довольно быть нахлебниками нашего правительства, нужно напрячь все силы и при помощи советской власти поднять своё хозяйство» [Там же, д. 2735, л. 84]. Подавляющее большинство крестьян-прагматиков стремились сохранить своё самостоятельное хозяйство, невзирая на все риски. Вместе с тем сельчане считали, что в трудное время «своя» власть обязана приходить на помощь.

Относительно благоприятные погодные условия и помощь со стороны государства способствовали сокращению масштабов голода. Урожай 1925 года оказался почти в два раза лучше. Если в голодный год валовый урожай всех видов хлебов определялся в 44 миллиона пудов, то в следующем сезоне сбор был 82 миллиона [Там же, д. 3006, л. 91]. Тем не менее продовольственное положение оставалось сложным: наблюдались случаи голодовки, заболевания сыпным тифом и употребления суррогатов. В январе 1926 года на втором губернском пленуме ВКП(б) констатировалась необходимость государственной помощи и ввоза продовольствия. Несколько сгущая краски, Тупицин в докладе о продовольственном положении заявлял: «В нынешнем году положение нашей губернии ни чуть ни лучше прошлогоднего» [Там же, л. 102]. Можно сделать вывод, что при нэповской модели сельского хозяйства были неизбежны периодические голодовки вследствие неурожая.

Партийное руководство снизило ставку сельскохозяйственного налога 1925—1926 годов для губернии на 53 %. Маломощные хозяйства вовсе освобождались от налога. На V пленуме партии отмечалось, что «налог будет необременительным и даст возможность крестьянскому хозяйству идти вперед и развиваться» [Там же, д. 2649, л. 69]. Сельчане, разумеется, положительно восприняли снижение сельскохозяйственного налога на 1925—1926 годы. Но негативный опыт голодовки сказывался на настроениях крестьянства. Прокуратура отмечала распространенные высказывания: «Уплатил налог, а теперь голодный сижу, а власть не помогает. Теперь пусть лучше сажают в тюрьму, а налог платить не буду. В тюрьме хоть хлебом кормят» [Там же, д. 2735, л. 154].

4. Заключение = Conclusions

Причины голода 1924—1925 годов носили комплексный характер. Объективные неблагоприятные погодные условия не позволили собрать достаточное количество урожая. Также хлебозаготовки выкачивали из деревни ресурсы сверх её возможностей. Негативную роль играло стремление местной власти показать, что положение в деревне вполне благополучно.

В результате Гражданской войны произошла архаизация крестьянского хозяйства, что делало его чрезвычайно чувствительным к неблагоприятным погодным условиям. Отрицательное влияние оказывала уравнильно-передельная община, чересполосица, дальнотемелье и низкий уровень агротехники.

Общественно-политические настроения деревни в период голода отличались непостоянством. Мозаичное крестьянское самосознание проявлялось как в вере в помощь со стороны государства, так и в оппозицион-

ных убеждениях. Голод, несомненно, усилил антиправительственные настроения. Недовольные крестьяне были более восприимчивы к антисоветской пропаганде. Объективно повысился уровень религиозности сельского социума. По сравнению с обычным временем ухудшилась криминогенная атмосфера в обществе. Выступления крестьян на почве голода носили локальный характер, поэтому не могли вылиться в серьезное восстание. Масштабная помощь со стороны государства благоприятно повлияла на социально-политические настроения деревни, но сохранилось настороженное отношение к власти, особенно в связи с налоговой политикой.

Фискальная политика советской власти сдерживала развитие крестьянского хозяйства. Прогрессивный характер налогообложения был выгоден в первую очередь беднякам. В то же время середняцкие хозяйства, расширяясь, попадали под тяжелый налоговый гнет. Данная политика не способствовала техническому прогрессу в земледелии.

Помощь государства бедному крестьянству не давала должной отдачи в виде повышения товарности сельского хозяйства. Государственные субсидии просто «проедались», не решая глубинную проблему неэффективности маломощного хозяйства. Таким образом, «фавориты» государства — бедные слои населения — были обречены на постоянное балансирование на грани голода. Противоречия между бедняками и зажиточными свидетельствовали о разложении общинных традиций вследствие продолжавшегося процесса раскрестьянивания.

Масштабная помощь государства деревне не изменила сути антикрестьянской политики советской власти. Стратегический курс на индустриализацию страны за счет села не претерпел серьезных изменений. Для поднятия уровня сельского хозяйства были необходимы капитальные вложения, которые использовались для развития промышленности.

Неурожай 1924—1925 годов затронул весь сельский социум, но в разной степени. Голод сильнее всего отразился на бедняках и маломощных хозяйствах. Средняки и зажиточные могли некоторое время продержаться на прошлогодних запасах. Голод способствовал увеличению конфликтов в деревенской среде. Традиционные эгалитаристские настроения, свойственные крестьянству, получили новый импульс из-за нехватки продовольствия. Стремление бедняков к присвоению зерновых запасов зажиточных явилось предпосылкой к их активному участию в раскулачивании. На рубеже 1920—1930-х годов те же крестьяне под руководством партии и комсомола массово пойдут грабить имущество «кулаков».

Голод 1925 года показал бесперспективность маломощного крестьянского хозяйства в условиях нэпа. В зоне рискованного земледелия недород становился неизбежным в условиях примитивной крестьянской экономи-

ки. Постоянная угроза голода являлась важным элементом пропаганды за коллективное ведение хозяйства. В то же время даже тяжелые условия труда и полуголодное существование не привели к массовому вступлению сельчан в колхозы. Потребовалась резкая эскалация насилия в 1930—1933 годах, чтобы переломить стремление крестьян к индивидуальному способу ведения хозяйства.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСПИТО — *Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области*. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 2633. Лл. 39, 40, 41 ; Д. 2641. Лл. 8, 10 ; Д. 2647. Лл. 48, 50, 52, 57, 58 ; Д. 2649. Лл. 2, 10, 12, 20, 69 ; Д. 2735. Лл. 16, 17, 39, 71, 72, 73, 76, 84, 141, 153, 154, 158 ; Д. 2671. Лл. 8, 11 ; Д. 2906. Лл. 28, 29, 30, 41 ; Д. 2945. Лл. 2, 7, 33, 65, 67, 68, 73, 74 ; Д. 2956. Лл. 24, 26, 27—32, 33, 34 ; Д. 2967. Лл. 102 ; Д. 2961. Лл. 2 ; Д. 3006. Лл. 91, 102.
2. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 17. Оп. 84. Д. 740. Лл. 87 ; Д. 741. Лл. 25, 27, 86, 87, 128, 129, 131, 132, 147, 175, 192.
3. *Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ — НКВД. 1918—1939. Документы и материалы*. В 4-х т. 1923—1929 гг. / Ин-т рос. истории Рос. академии наук и др., под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — Т. 2. — 864 с. — ISBN 5-86004-184-5.
4. *Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы*. В 4-х т. 1918—1922 гг. / Ин-т рос. истории Рос. академии наук, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ Российской Федерации, и др., под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — Т. 1. — 864 с. — ISBN 5-86004-184-5.
5. *Совершенно секретно : Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) : Сб. док. В 10 т.* / Ин-т рос. истории РАН и др. — Москва : Ин-т российской истории Российской акад. наук, 2002. — Т. 3. — Ч. 2. — 486 с. — ISBN 5-8055-0092-2.

Литература

1. *Безгин В. Б.* «Приказчики революции» : еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) / В. Б. Безгин, К. А. Якимов // *Научный диалог*. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 301—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-301-319.
2. *Безгин В. Б.* Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» / В. Б. Безгин, К. А. Якимов // *Вестник архивиста*. — 2022. — № 4. — С. 1235—1247. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.
3. *Венер М.* Лицом к деревне : советская власть и крестьянский вопрос 1924—1925 гг. / М. Венер // *Отечественная история*. — 1995. — № 9. — С. 86—107.
4. *Вязинкин А. Ю.* Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // *Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки*. — 2022. — Т. 27. — № 5. — С. 1296—1303. — DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303.
5. *Вязинкин А. Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // *Вопросы истории*. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.

6. *Есиков С. А.* Российская деревня в годы нэпа : К вопросу об альтернативах сталинский коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) / С. А. Есиков. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 246 с. — ISBN 978-5-8243-1383-3.

7. *Зима В. Ф.* Продовольственная проблема в СССР на первом этапе новой экономической политики в 1921—1925 гг. / В. Ф. Зима // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2019. — № 3. — С. 51—66. — DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-6.

8. *Кокорев И. Е.* Производство крестьянских хозяйств Тамбовской губернии в годы нэпа / И. Е. Кокорев // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2008. — № 7. — С. 366—371.

9. *Кондрашин В. В.* Голод 1932—1933 годов : трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. — Москва : РОССПЭН, 2018. — 566 с. — ISBN 978-5-8243-2273-6.

10. *Котович Т. В.* Витебск. Успенская улица. Комиссар Крылов / Т. В. Котович. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. — 134 с. — ISBN 978-985-517-404-3.

11. *Левада Ю. А.* Поколения XX века : возможности исследования / А. Ю. Левада // Отцы и дети : Поколенческий анализ современной России. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 39—60. — ISBN 5-86793-370-9.

12. *Никулин В. В.* Недород 1924 г. В тамбовской деревне и его социально-политические последствия / В. В. Никулин // Тамбовское крестьянство : От капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX вв.). — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. — Выпуск 3. — С. 159—166.

13. *Сафонов Д. А.* Комсомольцы российской провинции первого призыва : мироощущение и политическая активность / Д. А. Сафонов // История : факты и символы. — 2022. — № 4. — С. 39—57. — DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-39-57.

14. *Слезин А. А.* Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2022. — № 8—2. — С. 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Sty132.

15. *Слезин А. А.* Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.

16. *Nove A.* An Economic history of the USSR / A. Nove. — New York : Penguin books, 1982. — 429 p.

17. *The economic transformation of the Soviet Union. 1913—1945* / Devies R. W. Mark Harrison, S. G. Wheatcroft. — Cambridge University Press, 1994. — 410 p.

*Статья поступила в редакцию 08.01.2023,
одобрена после рецензирования 08.02.2023,
подготовлена к публикации 23.03.2023.*

Material resources

GASPITO — *State Archive of Socio-political History of the Tambov region.* (In Russ.).
RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History.* (In Russ.).
Soviet village eyes CHEKA—OGPU—NKVD. 1918—1939. Documents and materials. In 4 volumes 1923—1929, 2. (1998). Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN). 864 p. ISBN 5-86004-184-5. (In Russ.).

The Soviet village through the eyes of the CHEKA—OGPU—NKVD. 1918—1939. Documents and materials. In 4 volumes 1918—1922, 1. (1998). Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN). 864 p. ISBN 5-86004-184-5. (In Russ.).

Top secret: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934): Sat. doc. In 10 t, 3 (2). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 486 p. ISBN 5-8055-0092-2. (In Russ.).

References

Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). “Clerks of Revolution”: Jewish Youth of Province in Events of Civil War (Tambov Province). *Nauchnyi dialog, 11 (9)*: 301—319. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-301-319. (In Russ.).

Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the “revolutionary turning point”. *Bulletin of the archivist, 4*: 1235—1247. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469. (In Russ.).

Kokorev, I. E. (2008). Production of peasant farms of the Tambov province during the years of the NEP. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 7*: 366—371. (In Russ.).

Kondrashin, V. V. (2018). *The Famine of 1932—1933: the tragedy of the Russian countryside*. Moscow: ROSSPEN. 566 p. ISBN 978-5-8243-2273-6. (In Russ.).

Kotovich, T. V. (2020). *Vitebsk. Assumption Street. Commissar Krylov*. Vitebsk: Mash-erov VSU. 134 p. ISBN 978-985-517-404-3. (In Russ.).

Levada, Yu. A. (2005). Generations of the twentieth century: research opportunities. In: *Fathers and children: Generational analysis of modern Russia*. Moscow: New Literary Review. 39—60. ISBN 5-86793-370-9. (In Russ.).

Nikulin, V. V. (2000). Nedorod 1924 In the Tambov village and its socio-political consequences. In: *Tambov peasantry: From capitalism to socialism (the second half of the XIX — the beginning of the XX centuries)*, 3. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 159—166. (In Russ.).

Nove, A. (1982). *An Economic history of the USSR*. New York: Penguin books. 429 p.

Safonov, D. A. (2022). Komsomol members of the Russian province of the first draft: world perception and political activity. *History: facts and symbols, 4*: 39—57. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-39-57. (In Russ.).

Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog, 11 (8)*: 453—469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469. (In Russ.).

Slezin, A. A. (2022). Rural youth of the first third of the XX century and its influence on society in the assessments of modern researchers. *Questions of history, 8—2*: 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32. (In Russ.).

The economic transformation of the Soviet Union. 1913—1945. (1994). Cambridge University Press. 410 p.

Vener, M. (1995). Facing the village: Soviet power and the peasant question of 1924—1925. *Russian History, 9*: 86—107. (In Russ.).

Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of “revolutionary turning point” in the fate of the Russian revolution of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of History, 7—2*: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).

Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2022). Peasant traditionalism in the years of the “revolutionary transition”. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 27 (5)*: 1296—1303. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303. (In Russ.).

Winter, V. F. (2019). The food problem in the USSR at the first stage of the new economic policy in 1921—1925. *Bulletin of higher educational institutions. Volga region. Humanities*, 3: 51—66. DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-6. (In Russ.).

Yesikov, S. A. (2010). *The Russian Village during the NEP years: On the question of Alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)*. Moscow: ROSSPEN. 246 p. ISBN 978-5-8243-1383-3. (In Russ.).

*The article was submitted 08.01.2023;
approved after reviewing 08.02.2023;
accepted for publication 23.03.2023.*